

- ¹⁰ Штер А.П. Дневник лейтенанта А.П. Штер. Спб., 1908.
¹¹ Ренгартен И.И. Воспоминания порт-артурца. Спб., 1910.
¹² Рейнгард Ф.Ф. Мало прожито – много пережито: впечатления молодого офицера о войне и плене. Спб., 1907.
¹³ Семенов Вл. Расплата. Спб., 1907.
¹⁴ Стессель А.М. Моим врагам. С. 34.
¹⁵ Там же. С. 48.
¹⁶ Рейнгард Ф.Ф. Мало прожито – много пережито. С.11.
¹⁷ Лилъе М.И. Дневник осады Порт-Артура. С. 104.
¹⁸ Костенко М.И. Осада и сдача крепости... С. 131.
¹⁹ Лилъе М.И. Дневник осады Порт-Артура. С. 103.
²⁰ Там же. С. 103.
²¹ Там же. С. 103.
²² Там же. С. 104–105, Костенко М.И. Осада и сдача крепости... С. 131.
²³ Лилъе М.И. Дневник осады Порт-Артура. С. 104.
²⁴ Там же. С. 193.
²⁵ Костенко М.И. Осада и сдача крепости... С. 130.
²⁶ Там же. С. 127.
²⁷ Лилъе М.И. Дневник осады Порт-Артура. С. 110.
²⁸ Дружинин К. И. Воспоминания о русско-японской... С. 15.
²⁹ Костенко М. И. Осада и сдача крепости... С. 127.
³⁰ Лилъе М.И. Дневник осады Порт-Артура. 98
³¹ Там же. С. 20.
³² Костенко М. И. Осада и сдача крепости... С. 124
³³ Там же С. 128.
³⁴ Там же.
³⁵ Там же.
³⁶ Лилъе М.И. Дневник осады Порт-Артура. С. 100.
³⁷ Костенко М. И. Осада и сдача крепости... С. 167.
³⁸ Лилъе М.И. Дневник осады Порт-Артура. С. 99.
³⁹ Там же. С. 190.
⁴⁰ Там же.
⁴¹ Стессель А.М. Моим врагам... Указ. соч. С.48.
⁴² Голицынский А.Н. На позициях Порт-Артура... С. 38.
⁴³ Там же. С. 39.
⁴⁴ Штер А.П. Дневник лейтенанта А.П. Штер. С.48.
⁴⁵ Там же. С. 48.
⁴⁶ Там же. С. 48.
⁴⁷ Шкуц Ф.И. Дневник солдата в русско-японскую войну: В 2-х частях. Спб., 1905. Ч. 2. С. 155.
⁴⁸ Там же.
⁴⁹ Там же. С. 204.
⁵⁰ Там же. С. 155.
⁵¹ Там же. С. 110.

- ⁵² Там же. С. 167.
⁵³ Оболенский В.В. Записки о войне... С. 146.
⁵⁴ Там же.
⁵⁵ Там же.
⁵⁶ Там же.
⁵⁷ Там же.
⁵⁸ Там же.
⁵⁹ Семенов Вл. Расплата. С. 137.
⁶⁰ Костенко М. И. Осада и сдача крепости... С. 133.

Э. А. Воробьева

Основные направления формирования общественного мнения Дальнего Востока во время Русско-японской войны 1904–1905 годов

Успешность любого действия правящих кругов, как известно, определяется в том числе тем, как общество относится к проводимым действиям, причем чем более зрелым оказывается общественное сознание, тем большее значение имеет данный фактор. Русско-японская война, которая вызвала в русском обществе весьма неоднозначную реакцию, поставила перед правящими кругами задачу идеологической обработки общественного сознания в нужном для «верхов» ключе. Основным каналом этой обработки послужила пресса, в первую очередь ежедневные газеты – как официальные органы печати, так и буржуазно-монархическая и буржуазно-либеральная печать.

Важность обработки общественного сознания вполне ясно осознавалась правящими кругами. Прекрасной иллюстрацией к этому могут служить слова императора Николая II, сказанные им в феврале 1904 г. в ответ на поднесенный представителями петербургской прессы адрес: «Благодарю петербургскую печать за выраженные в адресе прекрасные чувства. Внимательно следя за печатью последнее время, Я убедился, что она явилась верною **истолковательницею** современных событий, ее одушевление и проникновение народным духом доставили мне истинное удовольствие. Надеюсь, что и впредь русская печать окажется достойною своего призвания служить выразителем чувств и мыслей великой страны и воспользуется своим **большим влиянием** на общественное настроение, чтобы вносить в него правду и только правду»¹.

В самих органах печати отмечался взрыв интереса к газетам, который произошел с началом русско-японской войны. Газеты стали активно читать везде – даже в самых глухих деревнях. Типичны следующие заметки по этому поводу: «В почтовые дни почтово-телеграфное отделение осаждается чающими и жаждущими новостей, и газеты вырываются чуть

ли не из почтовых тюков»². То, что газеты (наряду со слухами) служили основным источником информации о войне, подтверждается и в воспоминаниях о Русско-японской войне. В частности, врач и публицист В.В. Вересаев в своих записках отмечает, что читали даже такое абсолютно официальное издание, как «Вестник Маньчжурских армий». Читали просто потому, что больше неоткуда было достать информацию. А.А. Игнатъев в своих мемуарах «50 лет в строю» с горечью отмечал факт «обратного влияния» созданного образа на решения правительства, в частности то, что «инициатива посылки эскадры Рождественского принадлежала не морскому министерству, а новоявленным безответственным стратегам из «Нового времени», вроде Кладо»³.

Итак, какие же направления по формированию общественного мнения в годы войны (в частности, Дальнего Востока) можно выделить? Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к газете «Дальний Восток» (буржуазно-либерального направления), издававшейся в означенный период во Владивостоке. Следует особо подчеркнуть, что в ней содержались ссылки и перепечатки статей из порядка 30 русских повременных изданий, в первую очередь таких газет как: «Русские Ведомости», «Московские Ведомости», «Правительственный Вестник», «Новости», «Русское Слово», «Русский Лист», «Южный Край», «Сибирский Вестник», «Русь», «Русский Инвалид», «Новое Время», на основании чего можно сделать вывод, что общая идеологическая обработка общественного сознания в разных частях Российской империи велась в одном ключе.

Первая задача, которая встала перед прессой – доказать обществу саму неизбежность и необходимость войны, причем идеологическая обработка в данном направлении велась весь первый год боевых действий. Задача решалась тремя путями. Во-первых, выдвигались объективные причины конфликта: доказывалось, что Русско-японская война отвечает многовековым интересам России, ее движению на Восток, необходима для укрепления наших позиций на Дальнем Востоке, на который теперь стала претендовать Япония; мы отняли у Японии плоды ее победы над Китаем (в Японо-китайской войне 1894–1895 гг.), сделав наше столкновение неизбежным, и хорошо, что война началась в момент, когда Япония еще относительно слаба. Данную позицию хорошо выразил А. Суворин в «Новом Времени», перепечатка из которого была помещена в № 211 «Дальнего Востока»: мы воюем для того, чтобы никто не смел трогать нас на Дальнем Востоке, чтобы поддержать свой авторитет; причина войны та же самая, которая лежит в истории объединения российской империи; мы можем избежать войны, дать японцам все, что они хотят, но это обратит Россию в данницу монголов, принизит ее национальный дух, рассыплет ее единство в прах. «Мы сражаемся именно

за судьбы России, за упрочение ее могущества, и всякий это поймет, если сообразит возможные последствия войны»⁴.

Во-вторых, общество попытались убедить в том, что Япония представляет реальную угрозу, причем не только в отношении России, но и в отношении всей европейской, христианской цивилизации. Страна Восходящего солнца страшна не сама по себе, а тем, что на данный момент является выражением «желтой опасности», то есть того самого панмонголизма, о котором предупреждал еще Вл. Соловьев. До сих пор великие азиатские страны, Китай и Индия, бездействовали, их народы еще как бы не проснулись, но Япония, воинственная, честолюбивая, мечтающая о господстве, легко может пробудить Азию, поднять ее на борьбу с европейской цивилизацией. Необходимо упредить эти события, разбить Японию сейчас. Россия в войне сражается не просто за свои интересы, она сражается и за общемировую идею, за интересы всей христианской цивилизации и культуры⁵.

В-третьих, шло обращение к национальному самосознанию, гордости россиян. Основной тезис, который при этом выдвигался – войну развязала Япония, и раз уж она началась, необходимо дать агрессору достойный ответ; Россия не может просто так уступить, а быть побежденной Японией для нее равносильно национальному самоубийству. Война – зло, но бегством ее не остановишь, необходимо бороться; долг каждого – оказать свою посильную помощь в этой войне, а если понадобится, то и умереть рядом с товарищами на поле боя⁶.

Обращение к национальному самосознанию подкреплялось (особенно в начале войны) описанием многочисленных патриотических манифестаций, адресов, подносимых императору, сообщениями о добровольцах, о пожертвованиях на нужды войны и т. д. Все это, вместе взятое, должно было укрепить в русском обществе убеждение, что истинный патриот России – это человек, желающий победы в войне и всеми силами этому способствующий.

Второе направление по формированию общественного мнения, которое можно выделить – создание позитивного образа самой войны, в котором она представляется как победоносная, а все происходящие неудачи и отступления – как временные, незначительные либо предусмотренные стратегическим планом командующего. Данное направление можно бы было выразить фразой: «Россия обязательно победит, в этом не может быть никаких сомнений». Эта задача решалась следующими способами:

1. путем отбора позитивной информации о состоянии русской армии и флота, ходе боевых действий (зачастую она не соответствовала действительности); кроме того, делался упор на описание подвигов русских солдат, матросов, офицеров, их героизм;

2. путем интерпретации событий в духе того, что все развивается по планам главнокомандующего, заранее предусмотрено и получит, в свое время, разрешение; здесь же можно отметить создание позитивного образа самого командующего Маньчжурской армии ген.-адъютанта А.Н. Куропаткина как выдающегося стратега, блестящего офицера, «лучшего современного полководца», «скромного, не любящего помпы человека» и т. д.

3. путем помещения пропагандистских материалов.

Незначительные стычки пытались представить как серьезные боевые столкновения с японцами (как, например, в случае с атакой на селение Чончжу⁷). Типичны были также информационные сообщения в духе, что русский отряд в составе «таких-то офицеров и сотни казаков» нанес врагу значительный урон; мы же потеряли всего несколько человек. В случаях, когда ожидалось нападение японцев на определенный пункт, неизменно сообщалось, что там все прекрасно, дух войск высок, снабжение продовольствием и боеприпасами превосходно, позиции укреплены согласно последнему слову военной науки и т. д.

Наиболее яркий пример такого подхода – сообщения о состоянии Порт-Артура. Типичные телеграммы из крепости вплоть до сентября 1904 г. следующие: «Получена весьма утешительная энергичная корреспонденция из Порт-Артура. Артурцы уверены в своем начальнике генерале Стесселе: его дух бодрости и уверенности в победе передается всем войскам гарнизона и жителям. Передовой боец генерал Фок в настоящее время выдерживает на передовых позициях Порт-Артура весь напор японских войск и надолго оттягивает блокаду Порт-Артура; трудами генерала Кондратенко крепость усиливается с каждым днем, создаются новые укрепления; единство этих генералов создало из Порт-Артура неприступную крепость; всё обстоит благополучно»⁸; «...в Порт-Артуре высокий боевой дух, к бомбардировкам гарнизон и жители относятся пренебрежительно, в продовольствии недостатка нет, ночная стрельба волнений не вызывает»⁹; «...беглецы из Порт-Артура сообщают, что японцы ведут бой, были бомбардировки форта... миноносец «Лейтенант Бураков» привез из Инкоу сведения о состоянии Порт-Артура (далее сообщается, что всё в порядке, все здоровы, снарядов масса, с нетерпением ждут боя¹⁰).

Столь же многочисленны были заметки, живописующие подвиги офицеров и нижних чинов армии и флота (цитировать которые, за недостатком места, не представляется возможным). Характерно, что в ряде случаев подвиги специально рекламировались, как это случилось в отношении «Варяга» и «Корейца» – его не просто неоднократно описали на страницах газет, всем выжившим офицерам и морякам было устроено чествование, растянувшееся на несколько месяцев (об этих чествованиях «Дальний Восток», как и прочие газеты, в подробностях сообщал).

В случаях, когда русская армия или флот терпели поражение, отступали и т. д., прибегали к следующему способу – интерпретации события в позитивном ключе. Вслед за информационными сообщениями об отступлении от Тюренчена, Вафангоу, Цзиньчжоуских позиций у Порт-Артура, Дашичао, Ляояна и т.д. следовала серия заметок на тему, что все действия войск (в том числе «отступательные») предусмотрены планами командующего, согласно которым необходимо достигнуть стратегического сосредоточения армии, то есть добиться ее численного превосходства над противником, и только потом уже переходить в решительное наступление. До этого момента армия должна малыми силами сдерживать противника во всех подходящих местах, задерживать его наступление, пока в тылу будет формироваться собственно ядро войска. Никакие временные неудачи на театре военных действий ни в коем случае не означают поражения или хотя бы малейшего ослабления России.

Бой под Тюренченом был представлен таким образом, что наши войска, разведав японцев, должны были отступить, но «зарвались храбрецы, затянули оборону, обильно полили своею жаркою кровью негостеприимный берег Ялу, но, в конце концов, отступили, не дав себя окружить и истребить окончательно»¹¹.

О бое под Цзинь-чжоу написали, что эти позиции являлись рекогносцировочными, передовыми, поэтому их уступка японцам не должна удивлять. То, что они дались японцам такой ценой – указывает только на то, что взять Порт-Артур приступом будет трудно, почти невозможно¹². Для самого Порт-Артура Цзинь-Чжоу – только передовая позиция, ее цель – задержать неприятеля, измотать его, но не более; бой до последней капли крови на передовой позиции не желателен и не целесообразен, надо нанести врагу максимальные потери и вовремя отступить, а у Цзинь-Чжоу это как раз было сделано, и сделано блестяще¹³.

В июне 1904 г. газеты с оптимизмом писали (а «Дальний Восток» перепечатывал), что надо ждать конца, «чем больше сжимается пружина, тем сильнее будет удар», придет время и усилившаяся русская армия разобьет японскую и т. д. В июле они объясняли, почему отступили от Вафангоу и Ялу и писали о начавшейся борьбе за долину Ляохэ. В июле русскими войсками один за другим сдаются перевалы на Фэншуйлинском и Сюнешанском хребтах, запирающих вход в долину Ляохэ. Несмотря на несомненно стратегическое значение перевалов читателей успокаивали, что оставление Гайчжоу и Инкоу было предусмотрено и наступление японцев на Хайчен и даже Ляоян тоже. «Русские Ведомости» в июле 1904 г. писали по этому поводу, что японцы, вероятно, предпримут наступление на Мукден при общем наступлении маршала Нодзу на Маньчжурскую армию; Куроки вполне может двинуть на Мукден по горным дорогам две дивизии, однако беспокойство в обществе по

этому поводу необоснованно, Куропаткин это наступление, конечно, предусмотрел, и в его план компании входит и отражение натиска Куроки на Мукден, и последующий переход в наступление¹⁴.

Столь же оптимистично представлялось сражение под Ляояном. Так, газета «Дальний Восток» в № 188 от 25 августа 1904 года по этому поводу писала: «Свершившееся у Ляояна возможно широкое использование нами сильных позиций и затем спокойное отступление к северу для завлечения неприятеля вглубь Маньчжурии, действительно не составляет ничего случайного, а есть лишь простой и прямой результат умелого преследования им (А.Н. Куропаткиным) все той же основной военной задачи, обусловленной наличным соотношением сил наших и противника. Поэтому отнесемся же к новому нашему отступлению даже с такой сильной позиции, как Ляоян, не с точки зрения чисто субъективных впечатлений, но с холодным, разумным анализом общего нашего положения в Маньчжурии, и с тою же верою в нашего командующего, с каким заслуженно относится к нему вся Россия».

Как и в случаях с Ялу, Вафангоу, Цзинь-Чжоу, Ляоян, будучи оставленным, сразу из весьма важной в стратегическом и иных отношениях позиции, превратился в заурядную. В статье «Значение боя у Ляояна» писалось по этому поводу, что Ляоян давно уже приковывал внимание всего мира, причем почти вся заграничная пресса (особенно немецкая и английская) предсказывала, что именно у Ляояна будет дано генеральное сражение. «Однако же более компетентные, более осведомленные, а главное – более беспристрастные и не враждебные России органы заграничной прессы, следя за ходом военных операций и понимая во всей полноте задачу русского полководца, смотрели на дело иными глазами и прямо указывали, что генеральное сражение у **Ляояна** и даже у **Мукдена** еще не в интересах русской армии. Русская печать, в лице ее более распространенных и влиятельных представителей, как свидетельствуют только что полученные газеты последней почты, единодушно держалась такого же взгляда и, самое большее, допускала, что большая бой, по тем или иным соображениям, может разыграться у Ляояна, но что во всяком случае командующий нашей армии не даст ему развиться в решительное сражение, а лишь использует в своих интересах сильные Ляоянские позиции и двинется опять к северу, буксируя за собой все три японские армии»¹⁵.

Подобная интерпретация событий дополнялась указаниями на различные «объективные условия», которые не допустили победу русской армии и чисто пропагандистскими материалами, рассчитанными не столько на разум, сколько на чувства читателя.

Итак, на основании анализа газеты «Дальний Восток» можно сделать вывод, что правящие круги через средства массовой информации пытались сформировать и закрепить в русском обществе определенный (а

именно позитивный) образ войны, представить ее как успешную, победоносную, отвечающую коренным интересам России. Средствами для этого служили подбор позитивной информации о ходе боевых действий, освещение происходящих событий под «нужным углом» (то есть с точки зрения того, что все отступления заранее предусмотрены стратегическим планом, неудачи носят временный, несущественный характер, обусловлены недостатками отдельных частных военачальников или частей войск), а так же использование пропагандистских материалов, обращение к героическим страницам истории русской армии и флота (описание подвигов русских солдат, матросов, офицеров в Русско-японскую войну). Идеологическая направленность дальневосточной печати усилена еще и тем, что перед нами практически компилят, подборка материалов и статей из других источников, выдержанная в совершенно определенном духе. Причем такая идеологическая «обработка» общественного сознания дальневосточника совершалась постоянно, из номера в номер.

Несмотря на то, что направления по формированию общественного мнения совершенно четко прослеживаются, пресса (кроме полностью официозной) не носила однозначного характера. В информационных сообщениях, помещаемых в «Дальний Восток» содержалась масса нестыковок и противоречий, официальные телеграммы предоставляли довольно широкий простор для чтения «между строк», в цитируемых статьях и очерках проскальзывали нотки недоумения, ставились «неудобные вопросы» и т. д. Помещались и материалы, рисующие русско-японскую войну с совершенно иной стороны. И здесь дальневосточный читатель получал в свои руки великолепно написанные, очень эмоциональные очерки В.И. Немировича-Данченко, чьи образы буквально «впечатываются» в сознание: «Вы видели, как из грязных, вонючих луж с головастиками и прочей нечистью пьют воду? Приезжайте сюда и посмотрите. Как с отсырелого хлеба зеленую плесень сотрут, да так, чтобы ни кусочка не тронуть, и едят с аппетитом. Как пожирают мясо, покрывшее серым налетом – да еще Бога благодарят за это. Есть консервы – жестянки распухли, выпуклыми стали. Проткнешь – оттуда зловонный газ. Дадут ему выйти и едят, еще похваляют»¹⁶. Это только один пример, а таких заметок были десятки. Темой отдельного исследования также является динамика формирования общественного мнения и «обратная реакция» правящих кругов, на уже сформированные в общественном сознании позиции.

¹ Сибирская жизнь. 1904. № 46 (28 февраля).

² Там же. № 55 (10 марта).

³ Игнатъев А.А. 50 лет в строю. М., 1989. С. 335.

⁴ Дальний Восток. № 211 (23 сентября).

⁵ Там же. № 51, 129, 180 (4 марта, 13 июня, 15 августа).

⁶ Там же. № 36, 121, 127 (15 февраля, 4 июня, 11 июня).

⁷ Там же. № 64, 66 (19 марта, 21 марта).

⁸ Там же. № 149 (8 июля).

⁹ Там же. № 162 (24 июля).

¹⁰ Там же. № 143 (1 июля).

¹¹ Там же. № 110 (21 мая).

¹² Там же. № 126 (10 июня).

¹³ Там же. № 150 (9 июля).

¹⁴ Там же. № 161 (22 июля).

¹⁵ Там же. № 189 (26 августа).

¹⁶ Там же. № 222 (7 октября).

Г. А. Фалилеева

Качество и культура обслуживания на сибирской железной дороге в 1900–1913 годах: актуализация исторического опыта

Особенности современного этапа развития индустрии предоставления услуг вообще, и железнодорожного сервиса в частности, заключаются в том, что сегодня прогресс в данной сфере происходит в основном за счет повышения качества предоставляемых услуг, внедрения новейших информатизационных технологий, автоматизации процессов, кооперации различных видов сервисных предприятий. В то же время продолжают сохранять свою актуальность те формы и методы взаимодействия с клиентурой, которые были разработаны и нашли применение в эпоху всеобщей индустриализации, в конце XIX – начале XX в. В предшествующий период железные дороги имели возможность извлекать прибыль просто при наличии рельсовой колеи, парового двигателя и других технических средств. Однако экономический подъем конца XIX в. и связанные с ним рост пассажирских и грузовых перевозок заставили железные дороги обратить внимание не просто на рационализацию организации перевозок, но и на улучшение качества и культуры обслуживания клиентов.

Это обстоятельство позволяет по-новому взглянуть на историю отечественного железнодорожного транспорта, и дает основания для актуализации исторического опыта накопленного им в сфере организации сервисной деятельности.

Кроме связи с современностью, изучение истории сервиса на железнодорожном транспорте имеет непосредственное отношение к пониманию исторического прошлого. В современной российской историографии железнодорожный транспорт представляется как один из основных факторов капиталистической модернизации имперской России. При этом чаще всего имеют в виду, что потребности железной дороги как капита-

листического предприятия по оказанию транспортных услуг привели к развитию новых отраслей промышленности и науки, созданию новых рабочих мест, втянули в рыночные отношения области и регионы, оказали влияние на социокультурное пространство в целом. Между тем, непосредственный контакт железной дороги и общества происходит именно в момент реализации железной дорогой своего главного предназначения – оказания транспортной услуги. Для успешного осуществления этой миссии и создается целый комплекс условий, организация которых носит название «сервисного обслуживания». Именно сервисная деятельность является тем самым механизмом, с помощью которого железная дорога напрямую может модернизировать окружающее пространство.

В России особенно рельефно модернизирующее влияние железной дороги на окружающее ее экономическое, социальное и культурное пространство проявилось в Сибири на рубеже XIX и XX вв. Сегодня исследователями достаточно подробно изучены результаты влияния железной дороги на экономическое пространство региона: железная дорога транслировала на рынки спрос на тот или иной товар, что, в свою очередь, стимулировало развитие производства различных видов сельскохозяйственной и промышленной продукции, она оказала влияние на появление в Сибири крупной биржевой торговли и системы коммерческого кредита,¹ с началом ее эксплуатации практически полностью исчезли отрасли хозяйства, ранее обслуживавшие конные перевозки² и т.д. В социальном отношении именно с железной дорогой связывается появление в Сибири пролетариата как основного представителя нового, модернизированного общества. А в связи с постоянно укрепляющимися позициями социокультурного подхода к изучению истории стало уделяться все больше внимания вопросам формирования железной дорогой новых культурных норм и стереотипов. Именно с железной дорогой исследователи связывают появление стереотипа «утилизации времени»³, изменение художественно-эстетического облика сибирских населенных пунктов⁴, трансформацию социокультурного пространства городов⁵. Между тем, вопросы непосредственной организации взаимодействия железной дороги с окружающей средой и социокультурным пространством остаются практически не исследованными до сих пор, что не просто не позволяет показать процесс модернизации Сибири на рубеже XIX и XX вв. во всем его многообразии, но и обедняет историю железнодорожного транспорта.

В целом указанные выше обстоятельства позволяют говорить о важности и своевременности изучения исторического опыта организации сервисной деятельности на Сибирской железной дороге в начале XX в. как с научной, так и с практической точек зрения.

Внешними проявлениями сервисной деятельности являются качество предоставляемой услуги и культура обслуживания. Под «качеством услу-